

Н. А. КАЗАКОВА

Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в.

XVI век в истории русской литературы по праву считается веком публицистики. Расцвет ее был вызван той сложной идеологической борьбой, которая в связи с образованием централизованного государства разгорелась в русском обществе по вопросу о роли великокняжеской власти и месте различных классов и классовых прослоек в государстве. Среди многочисленных тем, волновавших русских публицистов XVI в., видное место занимала крестьянская тема. Как справедливо отметила В. П. Адрианова-Перетц, выдвижение этой темы было обусловлено борьбой внутри класса феодалов за землю и рабочие руки, закрепощением крестьян и нарастающим протестом с их стороны.¹

Одними из первых крестьянскую тему в русской литературе XVI в. поставили нестяжатели. Вассиан Патрикеев и вслед за ним Максим Грек и неизвестный автор «Валаамской беседы» яркими красками рисуют тяжелое положение монастырских крестьян, изнуряемых «стяжаниями» и «лихвами». Но критика феодальной эксплуатации со стороны нестяжателей была ограниченной: она велась с позиций отвлеченной христианской морали и объектом ее являлись порядки, существовавшие в монастырских вотчинах. Борясь против монастырского землевладения, нестяжатели указывали на несоответствие вотчинного быта монастырей евангельской заповеди нестяжания и любви к ближнему; вопроса же о положении феодально зависимого крестьянства в целом они не ставили. Гораздо шире крестьянский вопрос был поставлен в произведениях дворянского публициста 40-х годов XVI в. — Ермолай-Еразма. Развив стройную теорию о том, что труд крестьян составляет основу благосостояния общества, он предложил проект регламентации и уменьшения крестьянских повинностей. Но и Ермолай-Еразм, несмотря на понимание им значения крестьянского труда, не ставил вопроса о ликвидации феодально-крепостнической системы: будучи дальновидным представителем господствующего класса, он хотел лишь облегчения того гнета, который побуждал крестьян-«ратаев» к «волнениям скорбным». Выразителями интересов угнетенных масс феодально зависимого населения являлись еретики середины XVI в. — Матвей Башкин, отрицавший холопство ввиду противоречия его принципам христианства, и Феодосий Косой, выступавший с проповедью равенства всех людей. В их учении находил свое выражение протест угнетенных масс против существующего феодально-крепостнического строя. Таким образом, в публицистике XVI в. представители различных классов и общественных групп по-разному ставили и решали крестьянский вопрос.²

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в публицистике XVI века. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 204.

² Подробное освещение этой темы см. в указанной статье В. П. Адриановой-Перетц (ТОДРА, т. X, стр. 200—211).

Вопрос о положении крестьян в XVI в. выдвигался жизнью с такой настойчивостью, что его касались не только авторы публицистических произведений, специально посвященных обсуждению злободневных социально-политических вопросов. Крестьянская тема проникает и на страницы произведений, которым, казалось, она должна была быть чуждой в силу их жанра.

С интересной постановкой крестьянского вопроса мы сталкиваемся в одном памятнике житийной литературы XVI в. — «Житии преподобного Иосифа Волоцкого», составленном неизвестным. Это «Житие», которое В. О. Ключевский относил «по содержанию своему к числу лучших житий в древнерусской литературе»,³ еще недостаточно исследовано. Автор «Жития» был горячим приверженцем Иосифа Волоцкого — «единого от великих преподобных».⁴ Но в то же время он с уважением отзывался о его противниках. Рассказывая о выступлении нестяжателей против монастырского землевладения на соборе 1503 г., автор «Жития» указывает, что нестяжатели «ради бо крепкого их жительства и добродетели множества» были «зело от самодержецъ приемлени и почитаеми».⁵ С особым пиететом он пишет о Ниле Сорском, который, «яко светило», сиял в пустыне на Белоозере.⁶ Такое отношение автора «Жития» к противникам Иосифа Волоцкого объясняется, быть может, тем, что он писал в середине XVI в.,⁷ когда споры между иосифлянами и нестяжателями в значительной степени уже потеряли свою былую остроту.

«Житие», составленное неизвестным, отличается от «Жития» Иосифа Волоцкого, написанного его учеником Саввой Крутицким, наличием ряда эпизодов, полнее освещающих и биографию Иосифа, и отдельные моменты в жизни русского общества начала XVI в. Среди этих эпизодов привлекают внимание повествование о соборе 1503 г., на котором обсуждался вопрос о секуляризации церковных земель, и рассказ о благотворном влиянии проповеди Иосифа на нравы и обычаи Волоцкой земли. Для занимающей нас темы интересен последний рассказ.

Привлекаемые необыкновенными добродетелями Иосифа многие из бояр, воевод, воинов, сановников Волоцкого княжества приходили слушать «словеса» Иосифа и под их влиянием «нравы своа дивиющася на кротость преложыше, удобришася жизнью». «Вся же тогда Волоцкая страна к доброжизнию прелагашася, тишины и покоя наслаждышеся, и вси веселяшеся беша», — пишет автор «Жития». С особой тщательностью он подчеркивает те изменения, которые произошли в положении крестьян: «и поселяне же много послабление имуще от господей сел их поущением его». И далее автор излагает, в чем состояло «поущение» Иосифа Волоцкого: «Глаголаше бо господиаи селом, да будут блази тяжарем своим».⁸ Необходимость быть благими по отношению к своим крестьянам-«тяжарям» подкрепляется целым рядом аргументов: кто понуждает и насилует тяжаря своего, тот вскоре его «объубожаеть»; обнищавший же «тяжарь» не сможет отдавать плоды нив и дани; вынужденный продать скот, он не сможет обрабатывать поля, а когда запустеют поля, то это гибельным образом отразится на господине села. Иная участь ожидает господина, который не отягощает

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871, стр. 292—293.

⁴ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. М., 1903, стр. 23.

⁵ Там же, стр. 37.

⁶ Там же, стр. 30.

⁷ Там же, Предисловие, стр. X.

⁸ Там же, стр. 21—22.

своего «тяжаря»: его «тяжарь» и сам «насыщен» будет, и с «добровольством» будет обогащать всегда господина села.⁹ Итак, необходимость «быть благими» по отношению к крестьянам обосновывалась не отвлеченными принципами христианской морали, а реальными практическими интересами класса феодалов, ибо разорение крестьянских хозяйств вело к разорению феодалов. Отсутствие религиозной аргументации, светский характер постановки вопроса о положении крестьян составляют отличительные черты рассматриваемого отрывка «Жития» Иосифа.

Крестьянской темы автор «Жития» касается еще раз, но уже в более широком аспекте — не с точки зрения интересов только класса феодалов, но с точки зрения интересов государства. Повествуя о смерти волоцкого князя Бориса и о переходе Волоцкой земли под управление его сына Федора, автор «Жития» сообщает о тех наставлениях, с которыми Иосиф обращался к новому князю. Иосиф призывал его быть «тихим» и «кротким» по отношению к своим подданным, так как народы, имеющие подобного князя, молят бога о даровании ему многолстнего правления и «тихости его ради купли свободное умножают, и тяжаре стоги своя на нивах учащать, и тем богатеющим умножать казну его частостию тамги и дани». В случае же если народы терпят тяготы и насилия со стороны князя, то к богу вместо молитв и благодарений они обращаются со вздохами и слезами, и это гибельным образом отражается на состоянии страны: «обнищавшем бо народом обидами и отягчением, изнеможат нивам тяжарьство, умалятся плоды их, истлять же ся и купля торжишь им». Обнищание народа, разорение страны влечет за собой упадок государственных финансов: «Источания же ради народного оскудеа оскудеет казна ему. Откуда бо подтичущее имение принять казна ему, не сущу богатству в народах?»¹⁰ Итак, в рассматриваемом отрывке, в дополнение к уже ранее высказанной мысли о том, что благосостояние класса феодалов зависит от благосостояния крестьян, высказывается вторая важная мысль о том, что процветание страны, состояние государственных финансов определяется благосостоянием народа, значительную часть которого составляют «тяжари»-крестьяне.

Эти мысли автор «Жития» приписывает Иосифу Волоцкому. Действительно ли они принадлежали игумену Волоцкому? Ответить на этот вопрос помогает анализ сочинений Иосифа Волоцкого. Вопросы о положении зависимого населения Иосиф Волоцкий касается в трех посланиях: 1) «К некоему князю о постригшемся в чернецы человеке его»,¹¹ 2) «К некоему христоробцу»,¹² 3) «К некоему вельможе о миловании рабов».¹³ Первое и второе послания едины по сюжету: они написаны к господину, препятствовавшему пострижению своего раба в чернецы, и содержат призыв милости обращаться с рабами и, в частности, не запрещать им вступать в монастыри. Свой призыв Иосиф подкрепляет авторитетом божественного

⁹ «Елма унужаяй тяжаря дела дому своего и насилуа в стяжании его, вьскоре обубождает тяжаря своего. Тому же обнищавшу, како подасть самому ему плоды нив? Како же и дани отдасть? Како же и препитаеця с домом своим умиленный? Прочее нужда ему сих ради отдаений и скот продаати: сему же продану, како бразды проженеть? Кто же и семена убогу вьскоре подасть? Не целизны ли ему поля процветуть? Сим же запустевшим, и сам господин села не всю ли тшету прииметь, и в коалко злоба на самого протретися имать? Послабляяй же земодельнику възделаеть целизны своя, и утяжить нивы, и възпримлеть присно плоды своя. Той же тяжарь исполнен дел своих послаблением господей, и не унужен насильством, обогащает с добровольством всегда господина села, и сам насыщен сы удобно въздасть дани» (Житие преподобного Иосифа..., стр. 22).

¹⁰ Житие преподобного Иосифа..., стр. 39—40.

¹¹ ГПБ, Q. XVII. 64, л. 275.

¹² Памятники старинной русской литературы, в. IV. СПб., 1862, стр. 205—207.

¹³ ДАИ, т. I, № 213.

писания: «... божественное писание повелевает всякому человеку, любящему Христа, имети попечение о рабех, яко же о чадах, и наказывати их всегда на благая дела, на божий путь спасеный».¹⁴ Третье послание Иосифа — «К некоему велможе о миловании рабов» — не имеет той конкретной цели, как первое и третье. Оно содержит обращение к господину с просьбой милостиво обходиться со своими рабами, ибо все люди являются созданиями божими и на страшном суде будут нести ответственность за свои поступки независимо от положения, какое они занимали в земной жизни.

Мотив «милости», которым проникнуты послания Иосифа Волоцкого, не является новым. На Руси призывы к милосердию по отношению к сиротам, бедным и рабам встречаются в литературе начиная с XII—XIII вв. Для феодалов эти призывы являлись идейным оружием, при помощи которого они выдавали себя за защитников общенародных интересов, стремясь таким образом добиться укрепления существующих общественных порядков.¹⁵ Сила звучания мотива «милости» в различные исторические периоды определялась конкретными социально-экономическими условиями. В публицистике начала XVI в. этот мотив звучит с особой силой, что было обусловлено обострением классовых противоречий и стремлением наиболее дальновидных идеологов класса феодалов добиться некоторого смягчения их. В устах Иосифа Волоцкого призыв быть милосердными по отношению к рабам и, в частности, не препятствовать пострижению их в монахи имел и особый смысл: для монастырей он означал средство борьбы за рабочие руки, ибо пострижение холопов в монахи являлось одним из источников пополнения монастырских хозяйств рабочей силой. Таким образом, внимание Иосифа Волоцкого к вопросу о взаимоотношениях между господами и рабами было обусловлено особенностями исторического развития русского общества начала XVI в. Однако постановка этого вопроса в произведениях игумена волоцкого не являлась оригинальной. Призыв к милосердию по отношению к рабам обосновывается у Иосифа авторитетом божественного писания и нормами христианской морали, и в этом отношении он выступает как продолжатель традиции церковной учительной литературы. В духе этой традиции трактуется у Иосифа и тема государственной власти, которой он касается в «Послании к благоверному князю». Государи и самодержцы должны быть щедрыми и милостивыми по отношению к своим подданным, ибо «блажени милостивии, яко тии помиловани будут».¹⁶

Совершенно по-иному вопрос о взаимоотношениях между господствующим и угнетенным классами ставится в «Житии» Иосифа, составленном неизвестным. Необходимость для господ и князей быть «благими» по отношению к крестьянам и подданным аргументируется не нормами христианской морали, а реальными практическими интересами, с одной стороны, — класса феодалов, с другой — феодального государства. Оригинальность трактовки крестьянской темы в «Житии» Иосифа, составленном неизвестным, не позволяет возводить ее к Иосифу, как это делает автор «Жития». Очевидно, что та постановка крестьянского вопроса, которая имеет место в «Житии» Иосифа, принадлежала автору этого «Жития», неизвестному писателю середины XVI в., стремившемуся авторитетом Иосифа подкрепить свои рассуждения.¹⁷

¹⁴ Памятники старинной русской литературы, в. IV, стр. 205.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков. — ТОДРЛ, т. X, стр. 79—80.

¹⁶ Памятники старинной русской литературы, в. IV, стр. 192.

¹⁷ В литературе высказывалось мнение, что автором «Жития» является Зиновий Отенский (см.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 293; Житие преподоб-

Интересно, что из всех литературных памятников XVI в., затрагивавших вопрос о положении крестьян, больше всего точек соприкосновения с рассматриваемыми отрывками «Жития» Иосифа имеет «Правительница» Ермолая-Еразма. По сути дела, в основе рассуждений по крестьянскому вопросу Ермолая-Еразма и неизвестного автора «Жития» лежит одна и та же мысль — о том, что труд крестьян составляет основу общественного благосостояния. Только эта мысль выражена по-разному. У Ермолая-Еразма она поднята до высоты философского обобщения: «В начале же всего потребни суть ратаеве», — указывает Ермолай-Еразм. Но в то же время своим рассуждениям о значении крестьян Ермолай-Еразм стремится придать религиозно-поэтическую санкцию. Вслед за приведенной фразой «в начале же всего потребни суть ратаеве» он пишет: «от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна: богови в службу бесъкровная жерътва хлеб приносится и в тело Христово претворяется, потом же и вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема».¹⁸ Таким образом, Ермолай-Еразм не только подчеркивает, что труд крестьян дает хлеб, которым питается вся земля, но указывает также, что этот хлеб в таинстве евхаристии претворяется в тело Христово. Самих же крестьян он называет «ратаями», словом, «которое уже для XVI века было обвено старинной и поэзией, напоминая не столько современных автору крестьян, как они назывались и в документах и в тогдашнем прозаическом языке, а скорее „ратаев“ Слова о полку Игореве и былин».¹⁹ Общие рассуждения Ермолая-Еразма о роли крестьян и религиозно-поэтическая оболочка, которую он придавал этим рассуждениям, маскировали социальный смысл предлагаемого им проекта уменьшения повинностей крестьян, целью которого являлось предотвращение крестьянских волнений. По справедливому выражению одного из исследователей творчества Ермолая-Еразма, классовые требования господствующего класса «подаются здесь в форме бессознательно лицемерной защиты интересов крестьянства, в бессознательно лицемерной идеологической оболочке».²⁰

В основе рассуждений неизвестного автора «Жития» Иосифа о взаимоотношениях между господами и крестьянами, по сути, лежит та же, что и у Ермолая-Еразма, мысль о всеобъемлющей роли крестьянского труда для процветания общества. Именно эта мысль, сознательно или бессозна-

ного Иосифа. . . Предисловие С. А. Белокурова, стр. X—XII). Последний исследователь «Жития» Иосифа С. Иванов полагает, что автором его был болгарский писатель Лев-Аникита Филолог (С. Иванов. Кто был автором анонимного жития пр. Иосифа Волоцкого. — Богословский вестник, 1915, т. III, сентябрь, стр. 173—190). В своем предположении С. Иванов опирается главным образом на факт наличия в двух списках «Жития» указаний на авторство «Филогона» (так в некоторых рукописях именуется Лев Филолог), а также на текстуальные и стилистические аналогии. Аргументация С. Иванова делает возможным предположение об авторстве Филолога, но не означает, на наш взгляд, окончательного решения вопроса: в истории средневековой литературы нередки случаи, когда писателям приписывались произведения, им не принадлежавшие; что касается стилистических аналогий, которые С. Иванов находит между «Житием» Иосифа и произведениями Филолога, то с таким же основанием В. О. Ключевский говорит о стилистической близости «Жития» Иосифа к произведению Зиновия Отенского. Не ставя своей задачей установление личности автора «Жития», мы полагаем, что он хорошо знал русскую действительность и в своих общественно-политических воззрениях исходил из ее особенностей; поэтому его взгляды с полным правом могут быть использованы для характеристики развития русской общественной мысли XVI в.

¹⁸ Ермолай-Еразм. Благохотящим царем правительница и землемерие — ЛЗАК, в. 33. Л., 1926, стр. 193.

¹⁹ В. Ф. Ржигала. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, в. 33, стр. 187.

²⁰ Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 260—261.

тельно, руководила автором, когда благосостояние класса феодалов, процветание страны и обогащение государственной казны он связывал с благосостоянием народа, основную часть которого составляли «тяжари»-крестьяне. Только у автора «Жития» мысль о значении крестьянского труда не имеет того философско-религиозного выражения, как у Ермолая-Еразма. Крестьянский вопрос он трактует, руководствуясь экономическими интересами феодального класса и феодального государства и даже не пытается придать своим рассуждениям видимости защиты интересов крестьян. Для него крестьяне не «ратаи», которые «в начале всего потребны суть», а «тяжари», те, кто несет на себе тяготы работ и налогов. И чтобы они могли исправно отбывать повинности в пользу феодалов и платить налоги государству, автор «Жития» призывает быть милостивыми с ними и не отягощать их «обидами» и «насилами». Перед нами — идеолог класса феодалов, трезво и деловито, с точки зрения своего класса, рассматривающий крестьянский вопрос, почти не прибегая при этом к средствам философско-религиозной аргументации. Обнаженность тех целей, которыми руководствовался автор «Жития», ставя крестьянскую тему, светский характер этой постановки резко отличают «Житие» от других произведений XVI в., трактовавших вопрос о положении крестьян. Автор «Жития» не только агиограф, но и публицист, обладавший большой политической проницательностью и сумевший заглянуть в существо современных ему общественных порядков.

Трактовка вопроса о роли крестьян в обществе у автора «Жития» и у Ермолая-Еразма в какой-то степени перекликается с той, которая имеет место в «Слове кратком» — полемическом произведении в защиту церковных имуществ, написанном в самом конце XV в. В этом произведении, возникшем, вероятно, в кружке воинствующих церковников, группировавшихся вокруг новгородского архиепископа Геннадия,²¹ ставится вопрос и о назначении различных слоев общества: светские власти, цари и начальники, должны творить суд, правду и управление, церковные власти, пастыри, — молиться; «селянин же тружати и питати обонх» должен.²² Таким образом, труд крестьян объявляется тем источником, за счет которого живут остальные слои общества. Это, по сути, та же теоретическая посылка, из которой исходят в постановке крестьянской темы и автор «Жития», и Ермолай-Еразм. Но если автор «Слова кратка» в конце XV в. ограничивался лишь констатацией этой посылки, то спустя полстолетия автор «Жития» и Ермолай-Еразм сделали из нее вывод о необходимости смягчения участи крестьян.

Тот факт, что у двух писателей середины XVI в. — Ермолая-Еразма и неизвестного автора «Жития» — имеют место, несмотря на различие используемой ими аргументации, по существу, одинаковое признание общественного значения труда крестьян и призыв к облегчению их положения, свидетельствует о той большой роли, которую в это время крестьянский вопрос играл в жизни Русского государства. Острота, с которой этот вопрос ставился в русской публицистике середины XVI в., была обусловлена обострением классовых противоречий и нарастанием протеста со стороны крестьян.

²¹ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРА, т. IX, стр. 165—166.

²² Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XXI: «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ. М., 1901, стр. 43.